

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Философия и наука

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Э.А. ТАЙСИНА

Гимны разуму и науке, кажется, официально исполняться больше не будут. «Век информации» парадоксальным образом отказался от идеалов века Разума. К дискредитации этих идеалов причастны и Кун с Фейерабендом, и аналитическая философия. Парадокс еще и в том, что в конце XX в. передовая Великобритания и ее философствующие социологи заговорили о возникновении нового типа общества: «общества знания»...

В предлагаемой статье речь пойдет о рецепциях и негациях, о современном «западном» и «отечественном» понимании философии науки (и философов науки), а также родственных ей дисциплин, с позиции «субъективного», а точнее, *экзистенциального* материализма, базирующегося на постулате сущностного единства бытия и познания. Экзистенциальный материализм – это направление, выступающее итогом применения к материализму не исторического, но логического принципа деления, который доселе применялся лишь к идеализму. Экзистенциальный материализм имеет собственную гносеологию, но не имеет собственной философии науки; однако он обладает возможностью выразить собственное понимание существующей философии науки в следующем синопсисе.

Затруднения относительно истины

В начале прошлого десятилетия, исследуя творчество Локка, Беркли и Юма, в книге «Учения шести философов» современный английский философ Джонатан Беннетт писал: «Со стороны натурализма мы имеем понятие *причины* и исследования относительно *происхождения* разных аспектов человеческого существования; многое из этого принадлежит *эмпирической психологии*. Нормативные исследования, со своей стороны, скорее касаются *логических* отношений, вовлекая нас в концептуальный анализ; акцент ставится на *философию сознания*... Я представил эту дихотомию в виде противоположности «генетических» вопросов относительно источника наших мыслей и

убеждений и «аналитических» вопросов относительно их существа, причем последний вопрос является необходимым предисловием к открытию того, что может их удостоверить»¹.

Понять эти внятные разъяснения несложно; в особенности важна последняя сентенция касательно обретения критерия проверки. Трудно ответить, куда делся, утонув между «генетическим» (онтологическим, натурфилософским) и «аналитическим» (эпистемологическим) подходами собственно гносеологический вопрос о том, что есть истина. Не *каково* ее происхождение, не *как* она обретается и не «что такое наши мысли и убеждения», хотя и то, и другое, и третье невероятно важно! — а что есть на самом деле истинное знание.

В рассуждениях об основной синтагме гносеологии имеется три (по крайней мере, три) затруднения относительно истины: 1) возможное тождество с действительностью (онтологическое); 2) возможное тождество пропозиции и ее истинностного значения, т.е. избыточность оценки (эпистемологическое); 3) возможное тождество знака и значения (семиотическое). Логическое «р», символ *суждения*, т.е. формы *мысли*, обозначает также и форму языка, знаковое *выражение*. Как это было сказано у Роджера Скрутона: «Предположим, я произношу предложение... (сокращенно 'р'). Я не только произнес предложение 'р'; я выразил пропозицию, что 'р', что, в свою очередь, идентично *мысли*, что 'р'... Выражая эту пропозицию, я могу также сделать *утверждение*: утверждение, что 'р'². Наше «р», следовательно, может быть знаком для предложений (сентенций), выражений, суждений (утверждений и отрицаний), нейтральных «пропозиций»... Философ продолжает: «Делая утверждение, я могу в свою очередь выразить *убеждение*, что 'р'³. Итак, «р» может как угодно использоваться в науке логики, логике и методологии науки, в других науках, в целом в человеческой деятельности за счет решения самых разных задач и обозначения структурных элементов различных миров — идеального и материального, их концептуального содержания.

В целом ряде случаев различать эти миры и формы не обязательно, говорит Р. Скрутон. Например, они *неразличимы в рассуждениях об истине*. И делает их истинными действительная ситуация, *состояние дел* 'р'.

Редко, но все же встречается отождествление не знака и значения (выражения и суждения), но знака (обозначения) и самого объекта: например, фетишизация любой символики; софизмы, «играющие» на отождествлении объектного и метаязыка; обобщение треугольника Фреге путем сближения сторон в абстрактных семиотиках, когда тот последовательно превращается в «двуугольник», «одноугольник» и безугольник... Именно у логиков чаще всего значением (знака) считается сам обозначаемый объект.

Все эти затруднения имеют вид ломаной возвышающейся спирали: действительность — сознание — язык. Это методологически упрощает

нашу задачу. Можно применить основной семиотический закон: «эти три» едины, и в этом смысле совпадают, однако они не тождественны. Это единство позволяет постулировать существование истинного знания.

Я выражаю убежденность, что наука, в том числе гуманитарная, как и сама философия, способна давать объективную истину, в том числе абсолютную. В этом состоит ее прерогатива и ее когнитивная, познавательная функция, объединяющая описание, объяснение и прогноз.

Для гносеологии, как и для эпистемологии, и методологии, существует необходимость ответить одновременно на два вопроса относительно истины: *что* (есть истинное знание) и *как* (оно обретается). Субстанциальный и функциональный аспекты должны совместиться в общем видении. Нельзя игнорировать ни один из них; нельзя и оставаться на несовместимости «натурализма» и «аналитического направления». Нужно добиться совместимости.

Современный греческий философ Статис Псиллос, указывая, что такая совместимость возможна, в книге «Философия науки от А до Я» по этим двум вопросам писал следующее: «Размышления об истине развиваются в двух направлениях. Первое — утверждение, что истина есть объективное качество наших убеждений, благодаря которым они соответствуют миру. Истина соединяет наши мысли и убеждения с какой-то внешней реальностью, придавая им тем самым репрезентативное содержание... Второе направление принимает, что истина — это оценочное понятие: оно суммирует нормы правильно построенного утверждения или убеждения: сказать об убеждении, что оно истинно, значит сказать, что иметь его эпистемологически верно, или доказательно»⁴. Собственно, второе направление и есть эпистемология, и сам этот термин глубок и далеко не случаен. Греческое ἐπιστήμη, знаменитая эпистема, не просто противопоставляется «мнению» как истинное знание, и не только утверждает базирование этого знания на какой-то прочной основе (ἐπί — на, στήμη — stem, основа), но обозначает, кроме того, еще и *умение*, «умное», умелое знание⁵. Семантически, следовательно, в нем присутствует метод, *способ* обретения знания. А согласно Р. Скрутону, эпистемология в целом есть доказательство убеждений⁶.

Хорошо, что об истине в первом смысле говорится с применением семиотического термина «репрезентация»; однако его, увы, недостаточно, ибо, согласно нашей теории, сознание, все сознание в целом и во всех частях обладает качеством представлять объект. Поэтому данный термин не позволяет еще различить, об истинном или не-истинном знании идет речь.

«Различие между не-эпистемической и эпистемической концепцией истины, — продолжает греческий философ, — становится зримым,

когда мы мыслим в терминах сократовского парадокса [из диалога] «Евтифрон»: являются ли утверждения истинными *потому*, что они признаны за истинные [лицензированы] набором норм [правил] — или они признаны [лицензированы] набором норм [правил] в качестве истинных, *потому* что они истинны?»⁷

Право же, начинаешь убеждаться, что раннесредневековые формулы «верю, чтобы знать» (или «верую, и потом узнаю», греко-кафолический путь) и, наоборот, «знаю, чтобы верить» (или «узнаю, чтобы в итоге поверить», римско-католический путь), не считая эксклюзивного тертуллианова «верую, ибо абсурдно» («приходится *верить*, поскольку *знать* абсолют человеку не по силам»), и в самом деле идут «от Платона» и «от Аристотеля». (Где только остался Демокрит с намеченным им объяснением истинного как действительно существующего?)⁸

Стало быть, утверждения могут быть истинными потому, что они признаны за истинные (лицензированы набором норм и правил) — или они признаются (лицензируются набором норм и правил) в качестве истинных, потому что они *истинны*. Этот совершенный эллипс ничуть не уступает в эстетичности знаменитому герменевтическому кругу.

В своем философском словаре Статис Псиллос указывает, что и объективистское, и оценочное направления полагают истину *субстанциальным качеством* носителей истины⁹. Тем самым в обоих случаях объединяются вопросы «что» и «как». (Для нас это уже хорошо, поскольку то и другое противостоит релятивизму.) Здесь два этих подхода поданы как равноценные, и только по некоторым косвенным свидетельствам можно полагать, что сам этот современный философ науки стоит на второй позиции, а экзистенциальный материалист — на первой, объективистской, «эйдетической» и эссенциалистской.

Дж. Беннетт считает, что эпистемологические вопросы (about what... discovering what might justify...) ведут к философско-научному вопрошанию (what reasons move people to believe). Он разбирает дилемму натуралистического и эпистемологического: «Положение о том, что заставляет кого-то верить, что “Р”, где причины не требуют ничего похожего на резоны, не имеет связи ни с чем нормативным; а положение о том, какие существуют доводы в пользу “Р”, само по себе не является положением о причинении»¹⁰. Далее автор кратко упоминает проблему совместимости знания объекта и знания об этом знании: «Итак, каузальный поиск может существовать на собственной основе, и нормативный также; но когда мы вопрошаем не только об аргументах в пользу [существования] “Р”, но и о том, *какие доводы движут людьми, чтобы убедить их [что “Р”]*: курсив мой. — Э. Т., мы попадаем на территорию, где нужны и логические, и каузальные аргументы». Сегодня, говорит вскользь Дж. Беннетт, эти виды аргументации не противоречат друг другу.

Не противоречат, нет; однако суждения, включающие те и другие аргументы, лежат на разных уровнях и выражаются «на разных языках» — объектном и метаязыке, как мы знаем об этом от Рассела. Потому что это суждения о предметах разного уровня абстракции, разных «этажей», на которых останавливается «сигнификационный лифт»: это язык говорения о предмете мышления (1) и язык говорения о языке говорения (2). Но, в отличие от остановок обычного лифта, вторая ступень, как и в познании вообще, содержит, должна содержать в себе первую. У них есть общая местность, или область значений. И, безусловно, у них есть общий источник: то первичное «тело», truth-maker, которое мыслится и обозначается; обозначается дважды, и обозначение № 2 обычно как-то маркируется, включает некий модальный оператор. Хотя этого может и не быть; «король парадоксов», состоящий в пределе всего из двух слов «я лгу», указывает именно на это затруднение.

Далеко идущее разделение подходов к познанию обусловило абрис новейшей западной (и во многом отечественной) философии, возможно, так же рельефно, как противоположность «философии жизни» и «философии науки» или даже еще в большей степени. (А восходит это различие к учению Дэвида Юма.)

Если философ *не* относит истину к знанию, а относит ее к действительности, — как Хайдеггер, — то для него «основной вопрос философии», лучше всего известный нам из работ Ф. Энгельса, вообще не ставится, он может быть только сразу решен. Одновременно «онтологизация» истины автоматически снимает гносеологическую сторону «основного вопроса». Если же философ *относит* истину к (со)знанию, а не к действительности, — «не онтологизирует» ее, — то он должен, во-первых, автоматически признавать принцип отражения (чего, как это ни удивительно, не происходит; альтернативой теории отражения является «теория символов»), — а, во-вторых, неминуемо переходить от гносеологии к *методологии*: *как* мы удостоверим, что Denken — это Bewusstsein? «Удостоверение» выдает доказательство, использующее язык. Отсюда легко возможен следующий переход: отнесение истины не к бытию и не к сознанию, но — к языку. Так и поступает, например, позитивизм во многих разновидностях, с его общим эпистемологическим креном. И следующим этапом будет, что тоже логично, понимание истины как удовлетворение истинностным условиям высказывания, а в короткой перспективе замена истины значением (смыслом), значения — употреблением знаков в высказывании, гносеологии — эпистемологией, логикой и методологией, затем развенчанием и распадом «теоретизирования» и возникновением постпозитивистской философии науки как совокупности практик и техник. Наука, понимаемая как «то, что ученый делает в своей лаборатории», и не иначе, не оставляет и шанса классической теории познания.

Печально, но факт: совершив указанное усеменение, современная философия, как бы очнувшись, обнаружила, что теория познания постепенно стала позитивистски-бессубъектной, и гносеологи бросили все силы на реконструкцию и изучение социо-гуманитарных предпосылок науки, ее социо-культурного обрамления, «персонального», «скрытого» и т.д. знания, маргиналий, бэкграунда, или фона... Стоило ли?

Вопрос, конечно, риторический. Понятно, что ни один философ не лукавит, говоря о своей искренней вере в открывшуюся истину, но одновременно ни один не надеется, что его доктрина – истина в последней инстанции, способная обратить именно в эту веру весь читающий мир. Необходимо, как кажется, выдержать золотую пропорцию наивного («нативного», врожденного), реалистического и критического, 3:4:5. Это поддержит природную гармонию, свойственную гносеологии, в выражении взаимоотношения человека и мира.

Здесь можно сослаться на пленарный доклад Эвандро Агацци, сделанный им на XXII Всемирном философском конгрессе: «Социальная философия науки разожгла анти-сциентистское отношение... Эти негативные последствия вырастают из того факта, что социологический поворот все еще сохранился в рамках эпистемологии, где наиболее крайние его заявления преувеличены и бездоказательны. С другой стороны, социологический подход имеет одно достоинство: он сделал особенно ясным, что наука это не просто система *знания*, но и комплексная человеческая *деятельность*, которая, будучи таковой, воплощает сеть взаимодействий с социальным контекстом. С этой точки зрения, все эти дискуссии об этической, политической, социальной, религиозной природе в отношении технауки, которые часто воспринимаются с подозрением, как угроза свободе науки, оказываются легитимными, если они касаются “занятий наукой”, со всеми условиями и последствиями. Поэтому мы должны “переосмыслить” философию науки в смысле включения в нее также *аксиологии* науки, которая могла бы помочь нам сохранить *познавательную* ценность науки и в то же время сделать технологическую активность сравнимой с удовлетворением от существования большого разнообразия *ценностей*, которые вдохновляют наши общества. Чтобы проделать это, философия науки должна быть готова использовать концепты и инструменты, взятые из всего спектра философии, а не только из логики, философии языка и в особенности онтологии, а также войти в диалог с нефилософскими аспектами человеческой культуры»¹¹.

О «западном» и «отечественном» понимании философии науки

Как о том говорится в превосходной серии трудов ростовских и ставропольских авторов, – работ разного рода, посвященных философии науки¹², – данная дисциплина все еще находится в стадии самоопределения. Ее отношение к теории познания и социологии

знания, эпистемологии и методологии является крайне сложным. В особенности это касается нашей страны, в силу ее необычного социокультурного контекста, национально-интеллектуальных традиций и трудностей перехода с гегельянских на кантианские взгляды. Поскольку в 60 – 70-е гг. XX в. неопозитивизм встретил «у нас» резкую критику, а постпозитивисты выросли из полемики с ним, постольку книги о парадигмах, исследовательских программах и научных революциях были приняты в нашей стране благожелательно, их стали заинтересованно обсуждать. При этом игнорировались серьезные различия в «платформах», с которых велась критика: *диалектический материализм* (выросший из Гегеля) и – (с моей точки зрения) – один из вариантов *кантианства* против *другого* варианта кантианства же. «Третий» и «четвертый» позитивизм роднит многое: методологический эмпиризм и номинализм; понимание объективности как интерес-субъективности; дихотомии аналитического/синтетического, науки/метафизики, контекстов открытия и обоснования и др. Совершенно разные традиции постановки философских и научных проблем и модели их решений были приняты «у нас» и «у них»; однако такие детали не помешали «нам» включиться в обсуждение новой «философии и истории науки», поскольку она была обращена к исследованию *роста научного знания*. В итоге мы внесли постпозитивистов в круг друзей-гносеологов, или, по меньшей мере, друзей гносеологов. Сравним, как об этом писал знаток западной философии И.С. Нарский: «В дискуссии Куна с Поппером относительно понимания прогресса научного знания более прав был Кун, так как идея революций в науках куда более плодотворна, чем идея отбрасывания прежнего знания под действием принципа фальсифицируемости. Но в споре Куна с Лакатошем более прав был последний: идея смены научных теорий при сохранении их “ядра”, при всех уступках Лакатоша феноменализму и даже конвенционализму, все же напоминала идею познавательного восхождения»¹³.

Как подчеркивают ростовские и ставропольские авторы, в XX в. обновление классики шло «у нас» за счет подключения проблем синергетики, глобального эволюционизма, структурализма, семиотики. Философия науки достаточно долго совпадала с эпистемологией: шел классический поиск философских *оснований* науки, *фундаментальных закономерностей* развития научного знания, его *теоретического обеспечения*, т.е. решались характерные проблемы теории научного познания.

На западе же эта онтологическая, гносеологическая, эпистемологическая проблематика в философию науки не включается. Дело в том, что последняя, как о том говорится в разбираемых трудах, дисциплинарно сформировалась в ходе того самого лингвистического поворота. Истоки возникновения *западной философии науки* усма-

триваются в герменевтике, философии языка, критической традиции, социологии знания и социологии науки.

Рецепции и новации философского понимания науки

Современная литература, посвященная философии науки, часто предлагает считать ее характерной чертой рефлексивность, самоотражение: «...направленность на себя, исследование самого процесса познания, его форм, приемов, методов, понятийного аппарата»¹⁴. Однако вряд ли и этот признак можно счесть дефинитивным: ведь рефлексия присуща всему философскому мировоззрению; рефлексит искусство; идеальное, становясь сознанием, именно предполагает рефлексивность, точнее говоря, рефлексия — механизм осуществления *сознания вообще*. Иначе говоря: цель науки — построение мысленных моделей предметов и их оценка на основе внешнего опыта. Но так происходит любое познание, так действует сознание вообще. То же касается «рационально-предметной деятельности», к которой, за неимением лучшего, приводятся социологически ориентированные дефиниции науки: она предстает как деятельность организованных в соответствующие профессиональные сообщества людей, занятых распространением научного знания в разных формах: в книгах, статьях, компьютерных программах. Но разве, допустим, практически-политическая деятельность не подпадает под это определение?

Можно сказать так: *наука* — это социальная система, состоящая из профессиональных сообществ, основной целью которых является получение, распространение и применение *научного знания*. Некоторые учебные пособия так и говорят. Круг в таких определениях очевиден. Можно и без тавтологии: наука — это форма общественного сознания; это мировоззренческая, производительная и социальная сила. Собственно, и философия тоже. И искусство. И даже религия, производящая самые разнообразные отношения, действия и тексты.

Словари также дают разные дефиниции, например, такую: «Наука — процесс построения систематизированного образа части реальности, ориентированный на выявление ее общих свойств»¹⁵. Было бы неплохо, если бы это определение нельзя было отнести ни к чему, кроме науки...

В высоко ценимой нами «Философии науки» Статиса Псиллоса ни дефиниции философии, ни дефиниции науки, ни дефиниции философии науки мудро не дается. Вернее, они приводятся в соответствии с установлением авторства. Что же, нам следует отказаться от применения первой, базовой, почтенной операции, с которой логика и начиналась как наука, в логике и методологии науки? Отказаться от операции по выяснению и оправданию содержания понятий («а именно в этом состоит дело философии»)?

Начнем с истоков философии. С течением времени философы, отойдя от мифологии на достаточное для критики расстояние, начинают строить науку, исходя из дилеммы наблюдаемого и ненаблюдаемого. Так, в диалоге «Федон» устами Сократа Платон говорит: «Ведь эти вещи ты можешь ощупать, или увидеть, или ощутить с помощью какого-нибудь из чувств, а неизменные [сущности] можно постигнуть только лишь с помощью размышления...» (Федон. 79а). А Эпикур в письме Пифоклу делает акцент на чувственно-воспринимаемом: «Не на основании пустых [недоказанных] предположений должно исследовать природу, но так, как того требуют видимые явления...

Если кто одно оставляет, а другое, в такой же степени согласное с видимыми явлениями, отбрасывает, тот, очевидно, оставляет область всякого научного исследования природы и спускается в область мифов»¹⁶. Первым научным методом была «феория», рассмотрение, которое осуществляется и теми глазами, «что во лбу», и очами разума.

Неоценимые услуги эпистемологии оказали схоласты. О создании Бозцием языка науки как особого функционального стиля известно достаточно. А классификацию видов знания в направлении к все большему уточнению, от общегносеологического понимания к собственно философско-научному, построил в своей «Эпистемологии» Уильям Оккам.

Знание:

«1) ...есть несомненное знание какой-либо истины... Некоторые [истины] познаются нами только на основании веры {sic sciuntur aliqua per fidum tantum}: (Рим — большой город...) Поскольку мы без тени сомнения придерживаемся истинности такового, мы говорим, что знаем это;

2) ...есть очевидное знание: мы непосредственно или опосредованно признаем определенную истину на основании несоставного знания неких терминов, даже если никто не говорит о ней;

3) ...есть очевидное знание чего-либо необходимого. И в данном случае познаются не контингентные [факты], но начала [prīncipia] и выводимые из них следствия.

4) ...есть очевидное знание необходимой истины, полученное в результате силлогистического рассуждения из очевидного знания необходимых предпосылок»¹⁷.

Только этот последний вид знания и есть наука, proprie vocatur.

В плане обсуждения основной синтагмы гносеологии — рассуждения об абсолютном и относительном в истине — Оккам, как некий новый Протагор, афористически формулирует настоящий перл: «Знание абстрагированное есть то, в силу которого относительно не-необходимой вещи не может быть с очевидностью познано, есть она или нет. И таким образом абстрагированное знание абстрагирует-

ся от существования или несуществования, ибо посредством него, в противоположность интуитивному знанию, не может быть с очевидностью познано *относительно существующей вещи, что она существует*, и относительно несуществующей, что *она не существует*»¹⁸ (Выделено мною. — Э. Т.).

Экстраполируя на науку учение Аристотеля о четырех видах причин, Оккам указывал: «Научное знание обладает только двумя причинами, поскольку не имеет формальной и материальной причин. Это так потому, что материальная причина в собственном смысле слова принадлежит к сущности того, причиной чего она является, а субъект знания не принадлежит к сущности знания, что совершенно очевидно»¹⁹. Понятно, что эту позицию сегодня можно оспорить, ведь субъект знания у схоластов — не человек, а логическое подлежащее. «Субъект научного знания» может употребляться в двух значениях. Во-первых, «субъектом научного знания» называется то, что получает знание и субъектно обладает им в себе (точно так же говорится, что тело или поверхность есть субъект белизны, а огонь — субъект тепла) И в этом смысле субъектом научного знания является сам разум. В ином смысле «субъектом научного знания» называется то, о чем познается нечто («2-я Аналитика»). Итак, «субъект заключения силлогизма и субъект научного знания есть одно и то же...»²⁰.

В другом разделе Оккам подчеркивает: «Имеется различие между объектом научного знания и его субъектом... Объектом является все познаваемое положение, субъектом — часть этого положения, т.е. термин, выполняющий функцию субъекта»²¹.

То, что научное знание всегда логически оформлено, собственно, даже не обсуждается. Да и сам Оккам позволяет считать, что в некотором смысле объект научного знания — это его «материя», а различие частей науки — «форма». Однако важный вывод относительно научного знания, как его понимали античные и средневековые философы, необходимо утвердить здесь же: это высший вид знания, и, как все совершенное по сравнению с несовершенным, оно есть лучшее и существеннейшее воплощение знания вообще.

Знание вообще в предшествовавших наших текстах было охарактеризовано как обнаружение и принятие бытия, участие человека в конкретном существовании объекта путем его представления и обозначения идеальным образом. Адекватное определение *научного* знания сегодня по-прежнему представляет собой философскую проблему.

Часто для определения научного знания употребляются такие экспликации, как *систематичность* или *методическая правильность*: смыслопорождение научного знания подчинено нормативным требованиям, и знание это должно быть получено совершенно определенным путем. «Вещий сон», например, может и сбыться; вообще некоторые паранаучные открытия, как и пресловутая «народная

мудрость», достояние здравого смысла и повседневности, могут даже оказаться истинными (иметь объективный референт и пр.). Однако методическая неправильность не позволяет и не позволит объявить эту информацию наукой. Разумеется, это надо принять, поскольку так уже сложилось, и гносеология никогда не покушалась на методологию. Более того, диалектика, например, сама есть универсальный метод и всеобщая методология. Однако систематичности и методичности недостаточно. Телефонный справочник или кулинарная книга, вообще любой каталог хорошо систематизированы (кстати говоря, зачастую и объективно-истинны), но совсем не обязательно являются научными трактатами.

Ныне разросшаяся типология методов, по большей части опирающихся на показания приборов, выступает на первый план в качестве дефинитивного признака, отличающего *научное* знание от знания вообще. Например: «*Научное знание: знание, получаемое и фиксируемое специфическими научными методами и средствами (абстрагирование, анализ, синтез, вывод, доказательство, идеализация, систематическое наблюдение, эксперимент, классификация, интерпретация, сформировавшийся в той или иной науке или области исследования ее особый язык и т.д.)*»²². Коротко суммируя, здесь сказано: научное знание – это научный метод. Хорош или плох, этот «методологизм» сегодня – общее место. Но этот факт не отменяет задач гносеологии по отношению к науке.

После расширения философского словаря, от Боэция до Оккама, мы считаем одной из родовых характеристик науки ее *рацио*-нальность, наиболее интересный для философско-научного анализа концепт.

По словам В.А. Лекторского, рациональность всегда была одной из высших ценностей европейской культуры. Полученное в результате деятельности мышления *рациональное* знание должно, согласно современным представлениям²³, отвечать следующим необходимым и достаточным требованиям: 1) *понятийно-языковой выразимости*; 2) *определенности*; 3) *системности*; 4) *логической обоснованности*; 5) *открытости к критике и изменениям*. По этому поводу необходимо, соглашаясь в целом, сказать следующее.

Какова новизна этого «нового» философского подхода к рациональности?

Первое требование ясно: это древняя, если не *самая древняя*, философская идея о связи мысли и слова. (Следует добавить: и их предмета.) Важно только подчеркнуть семиотический характер этого гносеологического постулата, а также допущенную в нем ошибку слишком узкого определения... Не только рациональное – любое другое состояние сознания оптимально (превосходно) выражается в языке. Вообще говоря, выразимость в языке следовало бы включить и в определение истины.

Второе — выражение аристотелевского закона тождества, главное условие рациональности, согласно которому мысль должна быть ясной и определенной; в расширенной трактовке: нельзя одни и те же мысли выдавать за различные; нельзя отождествлять разные мысли.

Третье требование, системность, можно было бы счесть детищем Новейшего времени, но можно этого и не делать. В традиционном выражении, это проявление закона противоречия и закона исключительно третьего, отвечающего за последовательность мышления, — *вместе взятых*. Это имеет теоретический смысл, поскольку позволяет *понять* нечто, непротиворечивым образом встроив это *нечто* в имеющуюся систему взглядов; и адаптивно-практический смысл, поскольку составляет необходимую основу поведения, всегда предполагающего и осуществляющего некий выбор между А и не-А.

Далее, *четвертое*: требование логической обоснованности говорит само за себя. Это закон Лейбница (правда, у самого Лейбница он был онтологическим, а не просто логическим: «Все существующее имеет достаточное основание для своего существования». Философ имел в виду Бога). Данный закон отвечает за серьезность, аргументированность, «фундированность» мысли. Наконец, *последнее* требование, попперианского характера, можно также счесть детищем либо XX в., либо всех истекших веков, ибо, едва зародившись, философское, т.е. теоретическое мышление, было рефлексивно-критическим. Следовательно, эту экспликацию можно считать одновременно и современной (конец XX — начало XXI в.!) и «школьной», классической.

Дидактически, однако, в современной литературе по философии науки закрепилось понимание *научной рациональности* как «усиленной» рациональности и «собственно» рациональности. Удачных определений ее, правда, мало; сплошь и рядом в том же труде мы встречаем тавтологии типа «научная рациональность — это специфический вид рациональности, характерный для науки». При общей непроясненности понятия «наука» это мало помогает: ср.: «Наука — социальная система, состоящая из профессиональных сообществ, основной целью которых является получение, распространение и применение научного знания...» А сама экспликация, научное знание, остается неопределимым? Неудовлетворительными оказываются многие, казалось бы, добротные определения, когда они (более чем обычно) заменяются *делениями*. В «Философии науки» классификация приводится вместо дефиниции: «Важнейшие виды и единицы научного знания: теории, дисциплины, области исследования (в том числе проблемные и междисциплинарные), области наук (физические, математические, исторические и т.д.), типы наук (логико-математические, естественные, инженерные, социальные, гуманитарные)»²⁴. Это опять-таки не неверно; но недостаточно.

Не лучше ли тогда было бы оставить в силе средневековое определение: «Научное знание в собственном смысле есть очевидное знание необходимой истины, полученное в результате силлогистического рассуждения из очевидного знания необходимых предпосылок»?

К списку родовых свойств научной рациональности необходимо отнести критически:

- эмпирическая/теоретическая объектная предметность (неспецифично. — Э. Т.);
- однозначность (это труднодостижимо, лишь в ограниченных рамках теории. — Э. Т.);
- доказанность (учитывая историю и опыт позитивизма, следовало бы писать: доказуемость/фальсифицируемость. — Э. Т.);
- эмпирическая/аналитическая проверяемость (это «критерий истинности». — Э. Т.);
- способность к улучшению²⁵ (последнее свойство следует отнести либо к разряду метафор художественной литературы — при непроясненности понятия «улучшение», либо к всеобщей способности бытия диалектически развиваться. — Э. Т.).

Последний бастион: научная рациональность отличается от «рациональности вообще» (и специфика ее выражается) одним-единственным признаком — наука способна давать *объективную истину*. Какая неожиданность! Позвольте, а опыт XX в.? Конвенционализм? Когерентизм? Романтизм физики с ее «красными и зелеными» лептонами, «очарованными и странными» частицами, «черными, белыми и червеобразными дырами», «ежами» и «струнами»? С ее нестыковкой картин мира? А социально-гуманитарные науки с их самодовлеющей и тотальной интерпретацией, а сама европейская философия, отказавшиеся от этого подвига — достижения объективной истины?!

Можно со всей определенностью заявить следующее: да, научная рациональность — это усиленная рациональность. Но усиленная чем? Аргументацией? Отнюдь. Усиленная убеждением, субъективной (не религиозной!) верой: «I believe, я верю, что снег действительно бел».

Для авторов данной «Философии науки» важно подчеркнуть, что реализация каждого из указанных свойств может быть достигнута и достигается неповторимым, существенно различным образом в разных типах наук (логико-математических, естественных, инженерно-технических, социально-гуманитарных), однако сама методика этих достижений остается за кадром.

Судя по происходящему, мы, видимо, обречены на практически бесконечную дискуссию относительно природы рационального. И все же что-то, относящееся к сфере рационального можно считать твердо установленным в форме научной истины.

Минимум рациональности — *логическое*, так же, как право — минимум нравственности. В основании этого качества сознания, логичности, лежит способность абстрагирования: отличать предикат от субъекта (другими словами, признак вещи от самой этой вещи как носителя своих свойств и отношений) и устанавливать наличие или отсутствие признака. В «элементарном» случае (экзистенциальное суждение) — наличие или отсутствие самой вещи. Есть или нет; одно или много... Но вершиной элементарной логичности является умозаключение, правила вывода нового знания из уже имеющегося. Понятно, что эпистемология, методология, философия науки оперируют более крупными блоками знания, нежели эти фундаментальные, общегносеологические формы познания. Это известные идея, вопрос, факт, проблема, метод, гипотеза, теория, концепция, закон... Но никакой прогресс никакой науки не осуществим вне интеллектуального каркаса, задаваемого теорией познания.

Нормативы логического были, разумеется, сформулированы еще Аристотелем, однако никто иной, как Уильям Оккам в «Эпистемологии» строит свод общих правил вывода, делая логическое буквально ощутимым. Число этих правил велико, но конечно.

1. Из истины никогда не следует ложь (но не наоборот: из лжи может следовать истина).
2. Если некий вывод имеет силу, то из противоположности консеквента следует противоположность всего антецедента .
3. Все, что следует из консеквента, следует и из антецедента.
4. Все, что является антецедентом для антецедента, является антецедентом и для консеквента.
5. Все, что совместимо с антецедентом, совместимо и с консеквентом.
6. Все, что несовместимо с консеквентом, несовместимо и с антецедентом.
7. Из необходимого не следует контингентное.
8. Из возможного не следует невозможное.
9. Из невозможного следует все, что угодно.
10. Необходимое следует из чего угодно²⁶.

Проект разворачивания философии науки

Однако интеллектуальный каркас — это не вся наука. Видимо, следует принять во внимание и на вооружение опыт трансформаций тех дисциплин, которые делали своим объектом науку, а этот опыт требует диверсификации. Наука, ранее понимавшаяся исключительно как *совокупность серьезных, основательных, объективно-истинных знаний*, сегодня предстает еще в нескольких основных качествах (аспектах, ипостасях). Они тесно взаимосвязаны, но не сводятся друг к другу.

- Наука как специфическая система знаний.

- Наука как познавательная деятельность.
- Наука как социальный институт.
- Наука как особая сфера культуры.

Отсюда — основные «призмы», сквозь которые рассматривается наука. Их можно считать самостоятельными подходами (иногда так и делается).

- Логико-эпистемологический.
- Историко-критический.
- Социологический.
- Культурологический²⁷.

Сквозь их призму становятся видны следующие ипостаси науки.

1. Наука — предмет философско-гносеологического осмысления.
2. Наука — специфическая система знаний, связанных единой логикой и методологией.
3. Наука — познавательная деятельность ученых.
4. Наука — сеть социальных отношений и институтов.
5. Наука — сфера культуры.

В действительности следует говорить отдельно о гносеологическом, самом первом, и отдельно о логико-эпистемическом подходе к науке. Эпистемология — «государство в государстве» теории познания. А новые подходы к науке — историко-критический, социологический и культурологический — можно без риска логически объединить в один, социально-философский. Тогда сохраняют свое значение три основных подхода: самый первый — *теоретико-познавательный*, второй, *эпистемологический*, и названный третий — *интегральный, социально-философский*.

Исследования, как сказано, должны быть продолжены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bennett J. Learning from six philosophers. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. — P. 199.

² Scruton R. Modern Philosophy. — L.: Mandarin Paperbacks, 1996. — P. 16 — 17.

³ Ibid. — С. 17.

⁴ Psillos S. Philosophy of Science A — Z. — Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007. — P. 247. Фактически эта работа — столь же научная монография, сколь замечательно грамотный философский словарь.

⁵ См.: *Славянская М.Н.* Учебник древнегреческого языка. Ч. I. — М.: Филология, 1996. — С. 351.

⁶ См.: Scruton R. Modern Philosophy. — P. 317.

⁷ Psillos S. Philosophy of Science A — Z. — P. 248 — 249.

⁸ Кстати, истинное может быть и действительно отсутствующим: любое атрибутивное отрицательное суждение указывает на отсутствие признака, и некоторые из них — истинны.

⁹ См.: Psillos S. Philosophy of Science A — Z. — P. 248.

¹⁰ Bennett J. Learning from six philosophers. Vol. 2. — P. 199.

¹¹ XXII World Congress of Philosophy. Rethinking Philosophy Today. Abstracts. – Seoul: Nat. Univ. Press, 2008. – P. 5.

¹² См. подробно: Лекции по философии науки: учеб. пособие / ред. В.И. Пржиленский. – М.; Ростов-на-Дону: МарТ, 2008; Классическая философия науки: Хрестоматия / ред. и авт. вступит. статьи В.И. Пржиленский. – М.; Ростов-на-Дону: МарТ, 2007; *Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А.* Философия науки: учеб. пособие. 2-е изд. – М.; Ростов-на-Дону: МарТ, 2006.

¹³ *Нарский И.С.* Диалектика относительности и абсолютности истины // Философские науки. 1978. № 5. – С. 34 – 36.

¹⁴ *Джегутанов Б., Стрельченко В., Балахонский В., Хон Г.* История и философия науки. – М.; СПб.; Нижний Новгород, Ростов-на-Дону; Екатеринбург: Питер, 2006. – С. 242.

¹⁵ Словарь философских терминов / ред. В.Г. Кузнецов. – М.: ИНФРА-М. – 2005. – С. 347.

¹⁶ Письма и фрагменты Эпикура // Материалисты Древней Греции. – М.: Изд-во полит. литературы. – 1955. – С. 198.

¹⁷ *Оккам У.* Эпистемология // *Оккам У.* Избранное. – М.: УРСС, 2002. – С. 73 – 75.

¹⁸ Там же. – С. 101.

¹⁹ Там же. – С. 79.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 81.

²² Философия науки. – М.: Трикта, 2004; М.: Академический Проект, 2004. – С. 25.

²³ Философия науки. – С. 25.

²⁴ Там же.

²⁵ Философия науки. – С. 26.

²⁶ См.: *Оккам У.* Эпистемология. – С. 63, 65, 67.

²⁷ См. подробно: *В.И. Пржиленский.* Вступит. ст. // Лекции по философии науки. – М.; Ростов-на-Дону: МарТ, 2008.

Аннотация

Обсуждаются статус, основная проблематика зарубежной и отечественной философии науки, подчеркивается «выпадение» основного вопроса собственно *теории познания* из эпистемологической и философско-научной сферы внимания. Рассуждение ведется с позиций гносеологии экзистенциального материализма.

Ключевые слова: наука, разум, рациональность, экзистенциальный материализм, философия науки, эпистемология, гносеология, истина.

Summary

In this paper some important issues and trends of western and Russian philosophy of science (same as the status of philosophy of science itself) are discussed from the point of view of existential materialism. It is underlined that the main question of theory of knowledge has been exterminated from epistemology and philosophy of science, namely, the question what is *truth* - understood “eidetically”, or essentially.

Keywords: science, reason, rationality, existential materialism, epistemology and philosophy of science, theory of knowledge, truth.